

EDN: ZOWYWT

УДК 94(73)+27-76-051

«Увещевал и упрашивал их настойчиво оставить идольский образ жизни...» Из походного журнала аляскинского миссионера иеромонаха Никиты (Марченко)

Печатнов Валентин Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии им. А. Ф. Шишкина,
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-9340-9363. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Аннотация. Материал представляет собой научную публикацию документа «Из путевых записок Кенайского миссионера Иеромонаха Никиты. 1881 год», хранящегося в Архиве Русской Церкви на Аляске (Alaska Russian Church Archive) в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США (Library of Congress, Manuscript Division). «Записки» представляют собой подробный походный журнал, который каждый священник-миссионер на Аляске должен был направлять епархиальному архиерею. Публикуемая часть «записок» посвящена первому миссионерскому походу иером. Никиты (Марченко), предпринятому в то время, когда Алеутскую и Аляскинскую епархию возглавлял епископ Нестор (Засс). Перед нами живое, подробное описание миссионерского похода, отражающее миссионерские труды нередко с раннего утра до поздней ночи, быт, религиозность и обычаи кенайцев, открытое противостояние шаманам с рассуждениями об их психологии и мировоззрении, тяжелые условия похода, включившего в себя несколько ночей под открытым небом в субарктическом климате, которые сам автор как бывший военный называл «солдатской военно-бивуачной жизнью». Документ позволяет лучше понять историю Русской духовной миссии на Аляске в 80-х гг. XIX в., а также имеет этнографическую ценность, включая описания обычаев, быта и религиозности автохтонов Аляски. Публикация снабжена обстоятельным предисловием и научно-справочным комментарием.

Ключевые слова: Русская духовная миссия в Америке, Алеутская и Аляскинская епархия, иеромонах Никита (Марченко), Кенай, шаманизм.

Среди тысяч документов по истории Русской духовной миссии в Америке, хранящихся в Архиве Русской Церкви на Аляске (Alaska Russian Church Archives) в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США, выделяются подробные «путевые записки» аляскинского миссионера иеромонаха Никиты (Марченко), служившего в 1881–1886 гг. на Кенайском полуострове [8]. 70-е и 80-е гг. XIX столетия были трудным временем для духовной миссии Русской православной церкви в Америке. Основным ареалом распространения православия на Северо-Американском континенте продолжала оставаться Аляска и Алеутские острова, проданные Российской империей Соединенным Штатам в 1867 г. После продажи этой территории русскоязычное население там резко сократилось, туда прибыли протестантские и католические миссионеры, а власти США проводили политику американизации и игнорировали нужды и запросы православных священников. В 1870 г. Св. Синод РПЦ учредил отдельную американскую епархию (Алеутских островов и Аляски), однако Российско-Американская компания, обязанная обеспечивать – и во многом обеспечивавшая – материальную сторону деятельности миссии [6, с. 128–129], в 1867 г. была упразднена, в результате чего у новообразованной епархии не было средств на ремонт храмов и содержание церковных школ [7, с. 43]. Паства состояла в основном из крещеных автохтонов, но численность ее уменьшилась в результате прозелитизма протестантских миссионеров, в особенности пресвитерианцев. Оставшемуся большинству православных не хватало духовного окормления из-за нехватки священников, в результате чего миряне морально опускались и возвращались к своим языческим обычаям и даже верованиям.

В этих условиях и пришлось трудиться автору публикуемых записок – иеромонаху Никите (Марченко), служившему миссионером на полуострове Кенай, что на Аляске. Кенайская миссия была основана в 1843 г. (Миссия в данном случае означает административно-территориальную единицу внутри епархии с миссионерским станом в центре и с определенной территорией, которую с миссионерской целью регулярно объезжают сотрудники миссии, постоян-

но проживающие в стане.) Ее территория охватывала весь одноименный полуостров, расположенный в центре бывшей Русской Америки, рядом с полуостровом Аляска, а также местность к востоку от него, прилегающую к заливу Принс-Уильям (называемому тогда Чугачским), остров Нучек (ныне Хинчинбрук) у входа в этот залив и далее вплоть до бассейна реки Атна (Медной) включительно [6, с. 212–213]. По этой территории о. Никита и совершал миссионерские поездки, описанные в его «путевых записках».

Климат в этой части Аляски умеренный субарктический, со средней температурой июля + 13 °С, января – 8 °С¹.

Центром миссии был редут св. Николая, основанный в 1791 г. русскими промышленниками на территории индейской деревни Кенай. Большинство местного населения составляли индейцы атапаски племени танаина, которых русские называли кенайцами. По берегам Чугачского залива проживали эскимосы чугачи (от которых и произошло это название залива), сильно отличающиеся по языку и культуре от индейцев атапасков. На территории миссии существовали русские поселения, такие как Николаевский редут и Ненильчик. Имея опыт общения, а иногда и совместного проживания с русскими поселенцами, коренное население перенимало у них христианские традиции и было готово следовать их примеру в отношении церковной жизни, в частности говению (душевному и телесному приготовлению ко св. Причащению), исповеди и Причастию на большие церковные праздники. Это облегчало христианизацию региона [6, с. 201–202, 213] и не позволяло автохтонам забыть свое христианство в периоды, когда на Кенае не было православного священника.

Публикуемые «путевые записки» в полном объеме выполняют синодальные требования к походному журналу миссионера, согласно которым в нем записываются все его пастырские действия, главные мысли и слова, высказанные в беседах с местными жителями, и «всё, что стоит внимания» [6, с. 197]. Перед нами живое, подробное описание миссионерского похода, где отражены и миссионерские труды нередко с раннего утра до поздней ночи, и быт и обычаи кенайцев, и открытое противостояние шаманам с рассуждениями об их психологии и мировоззрении, и тяжелые условия похода, включившего в себя несколько ночей под открытым небом в субарктическом климате. Помимо этого «записки» дышат бодростью и увлеченностью автора, ревностно начинающего новое для себя служение. При этом о. Никита писал их не просто по долгу службы, но и по велению сердца в помощь своим преемникам: он надеялся (как писал своему наставнику вл. Нестору), «что записки эти не бесполезны были бы тем, кто готовится на служение церкви в местности, подобной Кенайской миссии... наипаче же нашему брату, из России приезжающим, чтобы, встретившись с такими же неудобствами, еще не ведомыми, не придти в смущение, не упасть духом и не опуститься так, что и встать самому уже будет трудно... Воистину солдатская военно-бивуачная жизнь будет неразлучный спутник священника при таких путешествиях» [8].

Ценность миссионерских путевых журналов как важного первоисточника о жизни Русской духовной миссии в США признавалась еще современниками событий. Главный печатный орган Алеутской и Аляскинской (с 1900 г. – Алеутской и Североамериканской) епархии «Американский Православный Вестник» часто публиковал выдержки из журналов более поздних русских миссионеров рубежа XIX–XX вв. [2–5], но предшествовавший период оставался вне поля зрения. В последнее время российские историки стали уделять большее внимание таким источникам [1], однако они еще ждут более активного использования.

Документ микрофильмован. На одной пленке отсняты записки о. Никиты о двух миссионерских походах 1881 г., сопровождающее их письмо вл. Нестору от 10/22 апреля 1882 г., путевой журнал о. Никиты за 1885 г., гораздо более краткий и формальный, чем «записки», охватывающий три его миссионерские поездки, а также ряд его рапортов епархиальному начальству.

Исходя из вышесказанного, «записки» о. Никиты 1881 г., будучи, по существу, походным журналом, были направлены главе епархии вл. Нестору, а он, как отмечено в биографическом очерке об о. Никите, использовал их в своем ежегодном отчете Св. Синоду. В тексте видны подчеркивания, рядом с которыми на полях стоит «NB» («нотабене», «заметь хорошо») в виде монограммы, а иногда вопросительный знак или комментарий малоразборчивым почерком. Предположительно эти пометки принадлежат вл. Нестору.

¹ Климат и средняя погода круглый год в Кенай. URL: <https://ru.weatherspark.com/y/215/Обычная-погода-в-Кенай-Аляска-Соединенные-Штаты-весь-год> (дата обращения 16.03.2026).

Из соображений объема публикуются записи лишь о первом походе 1881 г., да и они с небольшими сокращениями. На момент похода о. Никите было около 44 лет. «Записки» публикуются в современной орфографии, но с сохранением синтаксиса автора и старых русских названий аляскинских топонимов (напр., Туюнак – Тайоник). Текст снабжен краткими комментариями справочного характера.

Из путевых записок Кенайского миссионера Иеромонаха Никиты. 1881 год. 25 июля / 6 августа, суббота. После посещения нашей миссии Его Преосвященством Преосвященнейшим Нестором, Епископом Алеутским и Аляскинским, оправившись от болезни, в которой и застало меня посещение Архипастыря, я, пользуясь благоприятной погодой и теплым временем, отправился по приходу² «в поход» с причетником Николаем Сорокиным на 2^х байдарках трехлючных. Мы отправились из Кеная («из Редута») в 8^м часу дня, провожаемые с берега пожеланиями немногочисленных обывателей – русских креолов³. Попутным течением, часам к одиннадцати мы достигли селения «ближние Микишки», где и пристали.

Расположившись на лагерь и повытащив байдарки, гребцы стали хлопотать о чае и обеде, а я тем временем посетил селение, расположенное на высоком утесистом глинисто-песчаном берегу, где причастил Св. Таин трудно больного кенайца, сподобившегося сего дара по истечении более 9 лет.

Пообедав по-походному, мы около половины второго часа отправились через залив в селение «Кусташаны», куда и прибыли благополучно около 5 часов. (Селение Кусташаны расположено на одном довольно обширном и довольно возвышенном над уровнем моря острове, представляющем к селению крутой и трудный не только подъем, но и спуск к лагю⁴ делает крайне утомительным для ног.)

Распорядившись поставить походную палатку для служения, я заповедал жителям говеть и пост на 26 и 27 число.

Жители селения встретили меня по-видимому радостно и с благоговением. Всех семей в селении 5^{ть}, в коих всех жителей обоего пола и детей не будет и 25 душ.

Вечер 25 числа употребили в поверке метрик и церковных ведомостей до поздней ночи, что составило громадный и скучный труд при переборке туземцев по домам, переходивших и пропавших частично умышленно и по простоте, не понимая, для чего их переписывают. Труд этот достался на долю причетника с переводчиком, что нужно вменить ему в заслугу; но в результате мы едва ли достигли своей цели.

26 июля / 7 августа, воскресенье. Утром рано отслужил всенощное бдение /в 4^м часу/, после которого говорил через переводчика поучение, объясняя им церковное богослужение и значение каждого священнодействия насколько было возможно вкратце, по недостатку времени и доступно их понятию, причем подыскивать нужно было выражения, применяясь к их быту, а также и к понятию переводчика, что делало немало затруднения мне, как вновь практикующемуся в этом деле. Так именно: лишь только я давал ход речи, вводя изречения из св. Писания, о котором никто из слушателей /и сам переводчик такой же простак/ и воображения не имеет, как тотчас переводчик был безгласен, опустил голову и потупив глаза в землю. И вот пришлось, спохватившись, философствовать от тех [вещей. – Авт.], что кенаец видит и чем окружен в своей обыденной жизни, передавая поучение свое как бы по складам. Однако и в такой речи я успел дать им хотя поверхностное понятие о всем, что говорил.

В 9 часов отслужил часы и обедню для говельщиков, после которых опять начал беседу с кенайцами: о Боге и Его бесконечности и безначалии, о Св. Троице, о создании мира и первого человека и о его согрешении и изгнании, о причинах уклонения потом в идолопоклонство, намекая на их прошедшее состояние, от которого остались следы еще и теперь в разных суевериях и обычаях; о пришествии Христа Спасителя и о предопределении человека ко блаженству в будущей жизни со Христом; а для того, чтобы заслужить эту блаженную жизнь и не быть предану диаволу за злые дела и шаманство на вечное мучение – нужна твердая вера во Христа и по вере этой жизнь христианская, согласная с обычаями Православной церкви. Дал им приблизительное понятие о причинах или, по крайней мере, о времени разделения церквей и о происшедших потом из католичества различных исповеданий, причем не-

² Поскольку о. Никита был в то время единственным православным священником в регионе, все селения Кенайской миссии и их жители составляли его приход.

³ Так в XVIII–XIX вв. на Аляске называли потомков этнических русских, вступивших в брак с местными жителями.

⁴ Лагю – заболоченный луг у моря, затопляемый во время морских приливов и обсыхающий при отливах.

которые из них назвал, и увещевал твердо стоять в Православии. Все это говорено через переводчика с трудом и по возможности сжато, без всякого приготовления, что, впрочем, было бы и бесполезно.

Все слушали с видимым благоговением и вниманием, и насколько они поняли из всего, ведает один Бог; но что все это произвело на всех впечатление, было заметно.

Кончив с поучением и подкрепившись пищею около 2^х часов по полудни, я отпел всех обще покойников на кладбище, и затем начал крещение еще не крещеных детей, а потом как над вновь крещеными, так и над крещеными раньше причетником совершил таинство Св. Миропомазания.

После 4^х часов по полудни, собрав народ в палатку⁵ и поучив, через переводчика, жителей о необходимости подробного исповедания грехов, объяснив им приблизительно главные, по тяжести своей препятствующие к причащению Св. Таин, просил всех, ежели кто таковые имеет, объяснить мне даже хоть через переводчика; но это все, что я мог сделать, а исповедь происходила почти глухая⁶, за весьма малыми исключениями.

Уже в 7^{мь} часов вечера я начал служить вечерню, после которой прочитал малое повечерье и акафист Пресв. Богородице; а после вечерни опять продолжал исповедь до 10^{ти} часов ночи.

27 июля / 8 августа, понедельник. В 4^{ре} часа утра разбудил народ к утрени, по окончании которой прочитал для себя и для говельщиков причастный канон и молитвы ко причащению, совершил Св. Литургию, на которой и причастил 26^{ть} человек.

После молитв по причащении, дав им наставление, как соблюдать себя по сем, обвенчал одну пару и, подкрепившись пищею и нечто мало отдохнув, отправился в селение Туюнак в 11 часов дня.

После 5^{ти} часовой езды в 4^{ре} часа по полудни пристали в Туюнаке на лайду, где жители встретили нас с пальбою и по высадке торопились все взять благословение.

Вечер прошел опять в проверке метрик и росписей церковных, для чего опять причетник ходил с переводчиком по домам, борясь с теми же неудобствами и невежеством, после чего мы успели еще осмотреть часть кладбища и отдаленную гробницу бывшего здешнего тоена (старшины), устроенной вроде часовеньки с дверями и окном и столом, в которой мы нашли следующие вещи: на стене висела хорошая пара платья, легкое суконное пальто, цымермановская шляпа⁷ и т. п., одним словом, полный костюм. На столе стоял хороший самовар с чайным прибором, чай, сахар, сухари и т. под. Далее находились: ружье, револьвер, порох, дробь, пули, табак, кисет, 3^{ри} пары перчаток и рукавичек из ровдуги⁸, отделанные по-кенайски бисерами и суклями для них дорогими, умывальная чашка, мыло, бритва и так далее, то есть все предметы житейского потребления и притом зажиточного человека. Вообще кенайцы придерживаются древнеязыческого обыкновения своего класть на могилы покойников подобного рода вещи, веруя, вероятно, что и по смерти собратия их пользуются правами живых, и надобно быть крайне бессмысленным, чтобы не видеть суетности такого обычая. Вот до какой степени детски их понятия. Так в селении Касилове по моему увещанию был снят с могилы большой самовар еще новый, который по здешним ценам стоит не менее 30^{ти}, а то, пожалуй, и 40^{ка} долларов. Кенаец после продал этот самовар, и это ему понравилось более, чем бесполезное стояние его на могиле.

Возвратясь из осмотра могил тоена и прочих, я встретил его сына, ныне на месте покойного отца занимающего его место, и объяснив ему и окружающим нас нелепость такого понятия, происходящего от прежних языческих верований и обычаев, непристойного вовсе христианину, а притом и вредного для души покойника, увещевал снять все это с могил и употребить или на церковь, или на бедных, ежели они желают помочь душам умерших на суде Христовом. Толковал им о бессмертии души и о смерти тела и о восстании последнего уже вместе с душою лишь во второе пришествие Христа Спасителя, и далее в этом роде. Тоен изъявил согласие снять все вещи с гробницы отца, оправдываясь тем, что отец сам завещал положить все это на гроб свой⁹.

⁵ Имеется в виду церковная палатка, в которой совершалось богослужение; о ней упоминается выше.

⁶ «Глухая» исповедь – это та, во время которой кающийся по тем или иным причинам молчит. Священник надеется на то, что тот кается в своем сердце.

⁷ Круглая шляпа из магазина известного во второй половине XIX в. петербургского фабриканта К. Ф. Циммермана.

⁸ Ровдуга – замша из оленьей или лосиной кожи.

⁹ Подробнее об остатках язычества в погребальных ритуалах коренных племен Аляски см. [9].

28 июля / 9 августа, вторник. Служил в 5^м часу утреню, после которой раздавал неимущим крестики, а в 9^м часов отслужил часы и обедницу. После обедницы говорил опять с народом через того же переводчика, наставляя, как нужно готовить себя к достойному причащению Св. Таин чистосердечным и искренним раскаянием с подробным исповеданием грехов своих, ставя на вид долгое время, протекшее без всякого их напутствия, и советовал дорожить случаем настоящего приезда священника и не пренебрегать очищением совести. Не надеясь, однако, получить от них какую-нибудь исповедь по многим причинам нравственным и физическим, как со стороны кенайцев, так и со стороны моей, я ограничился тем, что, давая забвение прошлому, быть может, в неведении ими содеянному, увещевал и упрасивал их настойчиво оставить идольский образ жизни, языческие пляски при умерших, незаконную жизнь и кровосмешение, волшебные свои бубны и заколдованные куклы вместе с шаманами, обманывающими их легковерие и простоту, будучи сами более хитры и ловки и ленясь сами промышлять себе пропитание. Советовал слушать наставления как священника, так и других благочестивых и более сведущих в этом деле людей из креолов или из своего брата даже, более просвещенного.

Затем время шло в разыскании еще не крещеных или не миропомазанных, которым, заранее нарекая имя, навешивал к крестику, назначавшемуся к возложению на крещаемого, во избежание ошибок билетик из ровдуги с написанным именем.

К крещению оказалось 11^{ть} детей почти младенцев и 31^н человек к Св. Миропомазанию, детей, мальчиков и девочек, приходящих уже в возраст. В 6^{ть} часов отслужил вечерню и потом утреню с вечера по необходимости, дабы на другой день рано можно было начать крещение, для которого ходил смотреть место на речке и избрал более удобное.

29 июля / 10 августа, среда. С раннего утра начали собирать всех, кого следует, к месту крещения, что было тоже с затруднениями, так как вообще жители всего северного края привыкли утром долго спать, и едва около 8^{ми} часов утра можно было начать крещение, что и совершил с причетником при помощи переводчика, крестив всех 11^{ть} детей и 33^{ри} человека помазал Св. Миром, крещеных прежде причетником или мирянами. Кончилось все в 11^{ть} часов.

После крещения служил часы и обедницу для говеющих, после которой поучал народ через толмача по прежнему образу. После обеда собрал народ опять и, прочитав молитву, начал исповедь, на которой было около 130^{ти} человек с лишком обоего пола. При этом случае многие и исповедовались как должно, настроенные предварительным поучением, – которые могли по-русски кое-как, иные исповедывались по-своему. Хотя я, конечно, их не понимал, но это все-таки было похоже несколько на исповедь. Вообще большая часть из них, особенно женщины, походили на детей, к которым надо было отнестись снисходительно.

После исповеди, дав им наставление, как вести себя до св. Причастия, я начал вечерню, повечерие и акафист Пр. Богородице, а потом отслужил утреню. К вечеру все жители заметно были в движении, чему я не подозревал причины, но на другой день, к моему удивлению, явились все с остриженными волосами по-русски в кружок. Оказалось, что с вечера согласились все обрезать свои густые черные волосы, которыми дорожили, и притом без всякого с моей стороны намека или побуждения. Я даже не догадался и тогда, когда причетник пришел просить у меня ножницы, не говоря мне причины настоящей. Они хотели мне сделать сюрприз и доказали этим, что поучения мои и беседы с ними не прошли совершенно бесполезно.

30 июля / 11 августа, четверг. В 5^{ть} часов утра велел будить народ, чтобы успел приготовиться, а в 6^{ть} часов начал читать канон и молитвы ко причащению и служил Литургию в палатке, на которой и причастились все, кроме 2^х [...].

Затем совершено бракосочетание последовательно 6^{ти} пар, соединенных между собою уже давно, после чего, поручив причетнику собрать имена по возможности всех покойников селения, отпевал их обще всех на кладбище.

Окончив отпевание, я пошел в дом моего переводчика Ивана Кириллова, который есть тоже житель Туюнакского селения, где нашел тоена и других, между которыми был и местный шаман, ловкий, как видно, пройдоха из креол[ов] или из бывалых, по крайней мере, кенайцев, что доказывает его разговор по-русски и довольно ухарская наружность. Здесь я, воспользовавшись его присутствием, при всех стал обличать его в обмане своих собратий легковерных и простодушных, в лености к труду и в том, что он отказался говеть, боясь, вероятно, обличения. Советовал раскаться и в знак своего раскаяния требовал от него регалии его гнусного промысла добровольно; но он отказывался и отвечал беспорядочно и невпопад, видимо, находясь в состоянии человека, желающего скрыться, – и ушел бы, вероятно, немедлен-

но, ежели бы не боялся уронить себя в мнении своих клиентов и тем потерять совсем свой авторитет. Тогда я, не желая оставить присутствующих под сомнением /не исключая и причетника/ и подать хоть малейшую тень торжества негодяю, а притом зная и послушание кенайцев к словам Священника и запрещениям, от церкви исходящим, стал грозить шаману совершенным отлучением: не только от церкви и св. Причащения, от которых он сам добровольно отказался и потому сотворил себя недостойным, но и от общества, в полном смысле этого слова, для чего здесь же наложил запрещение на всех жителей Туюнака и окрестных селений, приказав перевести следующее. Чтобы никто не решился принимать его к себе в дом, говорить ему здравствуй, беседовать с ним, брать его в партии на промыслы, дарить его, ходить к нему в дом, есть с ним из одного котла или чашки и иметь какое бы то ни было общение; а не исполнившим этого запрещения угрожал также строгим церковным наказанием. Все замолкло в избе. Потупившись, шаман стоял тоже в раздумии с минуту или более опустив голову и потом вышел, не говоря ни слова. Через несколько минут он принес грязный засаленный мешочек, по высыпанию которого оказались в нем принадлежности его ремесла, как то: плясовые побрякушки из дерева, разные размалеванные киноварью или суриком палочки и планки, перья, кукла с волосами и косой и т. под. безделицы, из которых по большей части все так грязны, что без некоторого отвращения нельзя взять в руки. За шаманом еще одну или две куколки таких же принесли какие-то бабы; что мы все и сожгли при них же на улице. Интересно было видеть негодование одной старухи, когда причетник плюнул на куклу, принятую им от нее в руки.

Не знаю, все ли шаман принес мне, сомнительно; но во всяком случае развязка подобная имела большое влияние на слушателей, и тоен первый после этого же пошел и убрал вещи с могилы своего отца, остальные же обещали последовать его примеру.

Почувив после шамана немного, я дал ему благословение и обещал принять его к общению в будущий объезд мой, ежели он докажет самым делом, что не будет более заниматься этим делом.

Трудно, конечно, ожидать /и нельзя/ – чтобы кенайцы так легко расстались со своими вековыми привычками и предрассудками при крайнем недостатке просвещения, при своей разобщенности, так сказать, с миром, а не только от священника, тем более что и в России в простолудном народе вообще, существует тоже шаманство /ворожба, колдовство, ведьмы и т. п./ и разные, иногда и очень грубые предрассудки, а ведь русский крестьянин /без исключения/ все же более просвещен в сравнении с нашими аляскинскими народами. Вот уедет священник, и они опять примутся за прежнее, потому [что] при лености своей и беспечности им нечего больше делать. Опять будут производить свои языческие пляски и «колотушки» при одре покойника /а иногда еще и умирающего/ или выносить его через окно непременно, а не через двери; и другое, тому подобное... что и случилось в действительности по нашем отъезде в одном неподалеку от Туюнака маленьком селении, как видно будет ниже¹⁰.

Пообедавав наскоро, я отправился на байдарке с переводчиком и со Св. Дарами к одному селению /из 1го дома/ миль за 5 напутствовать больную женщину, велев причетнику тем временем готовиться к отъезду. Сев в байдарку, по обыкновению ноги просунув вперед, вовнутрь байдарки под прямым углом, я тотчас от изнеможения уснул крепко, свесив голову на грудь, и разбужен был только по приезде на место. Расспросив хорошенько женщину сначала об обстоятельствах ее жизни и причинах болезни, я причастил ее и затем возвратился в Туюнак. По приезде моем, тотчас уложив байдарки и простившись с гостеприимным приказчиком здешним от Ал. Ком. компании¹¹ Джоном Шмидт, мы близ берега отплыли далее. Перед отъездом все жители селения теснились принять благословение, и лишь только мы несколько отвалили, тотчас открыли пальбу из ружей, так же как и при встрече.

По пути за несколько миль или поболее мы посетили еще одно селение из 2^х домов, где причастил я 2^х женщин и слабую совсем старуху. Вот в этом-то селении одна женщина умерла, кажется, на другой день по нашем отъезде, а хотя и тут, по-видимому, встречали нас с благоговением и проводили с пальбою, но не преминули похоронить ее по-своему, с пляскою и в

¹⁰ Подобнее о проблемах преодоления шаманизма в христианизации автохтонов Аляски см. [10].

¹¹ Аляскинская коммерческая компания (Alaska Commercial Company) – преемник колониальной Российско-Американской компании, формально прекратившей свою деятельность и вывезшей своих сотрудников в Россию в 1867 г., после продажи Аляски США. Занималась, как и в настоящее время, управлением магазинами розничной торговли в сельских районах Аляски, а также, до конца XIX в., пушным промыслом. И сегодня существует под этим же названием.

колотушки и справить ей поминки, которые лишь на ½ часа едва не застали, плывя на возвратном пути ночью /в 1^м часу/ мимо этого селения.

Отправляясь из Туюнака, мы намеревались подняться в реку Сушитну, а оттуда ехать в Кнык и тем закончить наш поход. Погоду Бог дал нам во все время нашего плавания тихую и ясную.

Нас застигла ночь на половине дороги в Сушитну, и мы по необходимости должны были расположиться бивуаком на малом возвышении низменной, болотисто-глинистой равнины, не доезжая устья «белужьей речки», заливаемой сплошь водою во время прилива моря. Разложив большой огонь на пригорке, мы расположились вокруг одного, ядомые немилосердно комарами и мошками, начав готовить себе чай из мутной густо-глинистой и солоноватой воды, – и я думаю, что ни одному из добрых русских любителей не удавалось еще полакомиться таким вкусным чаем; но наш действительно был вкусен, хотя я и чувствовал гримасу на лице после каждого глотка. Значит, нравилась только теплота горячности, приятно согревающая желудок.

Гребцы настреляли дичи, и у нас, сравнительно с положением нашим, составилась довольно роскошный ужин из еще не доваренных гусей и какого-то мудреного супа.

Надобно заметить, что равнина, на которой мы расположились, есть пристанище диких гусей и уток /но гусей в особенности/ на ночь и преимущественно осенью. Вечером вся местность заливается приливом вплоть до нашего пригорочка /чуть не под наши ноги/, образуя много открытых /от травы/ болот и протоков, а множество выкидного торчащего леса составляет немалое прикрытие для стад. Время этих сборов гусей еще не пришло в нашу бытность, но и то можно было удивляться [количеству птиц. – Авт.].

На ночь гребцы разложили свои оленины, а мы с причетником подостлали медвежины, которыми я нарочно запасся на этот предмет, укрылись с головами одеялами и крепко уснули от усталости.

Погода была хорошая и без ветра.

31 июля / 12 августа, пятница. Утром вставши, я отпустил гребцов стрелять дичь на обед, а также и на дорогу что-нибудь, тем более что приходилось выжидать необходимую нам прибылую воду далеко за полдень. После обеда, отдежурив на болоте в войне с комарами и мошками чуть не сутки, мы перенесли байдарки и груз несколько вперед, на берег речки белужей, где гребцы – ошибочно, впрочем, – находили удобным спуск. Уложив все по-прежнему в байдарки, мы начали спускать их по весьма обрывистому, совершенно глинистому и склизкому от недавней воды берегу – круто вниз по несколько сажен, поддерживая и протаскивая с осторожностью, чтобы не переломить байдарок или чтобы от перегибания /при порядочном грузе/ как-нибудь не лопнул фартук. Я сам буквально весь перепачкался в глине, но благодаря Бога все обошлось благополучно. Садясь в байдарку, я, придерживаясь за оную с сильным напряжением, чтобы не сползти в реку, обмыл сначала одну ногу тщательно от весьма липкой глины и поставил ее в люк, затем, присев на люк, обмыл другую ногу и отчасти штаны, и наконец уселся. Прочие тоже, обмывшись, уселись, и мы отправились в дальнейший путь.

Обогнув тупой и широкий мыс на десяток миль, отделяющий Белужью речку от реки «Сушитна», мы вскоре проехали бухту или лиман последней и начали подниматься в реку. Так как, до первых селений даже, оставалось около ½ суток езды, а нас застал уже вечер, то мы принуждены были остановиться на ночь в пустых бараборках¹² или лучше сказать в дырявых шалашах, находящихся в некотором расстоянии от устья, в местности, называемой «Сушитна», куда на лето жители реки Сушитны и других мест спускаются для запаса рыбы /«юкала»/ в летнее время. Расположившись в полуразрушенных бараборках, на середине одной из них разложив огонь на насыпи, нарочно для этого делаемой, стали готовить ужин из оставшейся дичи и чай из такой же воды такой же мутной, ежели еще не гуще, разве только не столь солоноватой; между тем вода стала прибывать все более и более, залило всю местность и барабору, в которой мы вселились, вплоть почти до самого огня – и мы очутились арестованными, забравшись на нары в ожидании, когда сбудет вода. К кухне нашей нужно было подходить уже по колено в воде. Поужинав чем Бог послал и запив мутным чаем, мы расположились на ночлег, где кто нашел для себя удобнее, и я думал уснуть крепко, чувствуя усталость во всех членах, но ошибся в своем ожидании. Всю ночь я в полудремоте отмахивался от комаров, немилосердно пьющих кровь мою, и свои монотонным пением наводящих ка-

¹² Барабора – жилище алеутов и эскимосов Аляски.

кую-то просто тоску на сердце; под одеялом же, укрывшись с головою, я не мог решительно уснуть, или даже просто лежать в бараборе.

1 / 13 августа, суббота. Наконец я встал весьма рано, на рассвете поднял всех и начал готовиться к отплытию. Напоив всех чаем из той же белесоватой воды и позавтракав чем могли, мы, нагрузив свои байдарки и спустив на реку, отправились вверх против сильного течения, с трудом подвигаясь вперед, придерживаясь то одного, то другого берега, для чего нужно было делать быстрые, усиленные переезды, иногда в довольно широком месте. Так мы продвигались медленно по пути, не делая, кажется и 2^х миль в час; притом же пришлось помогать гребцам, действуя гребком /как мне, так и причетнику/ в более быстрых местах, или выходить /т. е. с трудом вылазить/ и брести по воде, чтобы облегчить байдарки на слишком мелких местах, то снова садиться по необходимости, хотя и желал бы пройти лучше пешком даже и по воде, то опять браться за гребок и выручать гребцов, видя, что байдарка противится их усилиям и стоит на месте...

Река, чем выше мы поднимались, тем делалась мельче и изменчивее в своем русле, местами разливается широко, делая множество банок /отмелей/, не видных под мутною водою, иногда же суживается и усиливает в таких местах течение и без того быстрое, и тут нужны были неестественные усилия, чтобы выбиться из таких мест, даже на байдарке, которая несравненно легче идет против воды, чем лодка. Вообще при въезде в Сушитну я помогал гребцам сколько мог; но по выезде из 1го селения буквально не выпускал гребня из рук и работал беспрестанно, будучи весь в поту. О причетнике нечего и говорить, но все же это дело ему более привычно. Скоро, однако, я удостоверился, что река течет преимущественно берегами, или обеими разом, или переходит вдруг на один берег, соединяя воду 2^х русл, и в этих-то местах казались байдарки как бы на месте, не поддаваясь усилиям гребцов; на середине же образует только банки с песком, быстро наносимым сверху, поэтому я предложил ехать, придерживаясь середины, и действительно байдарки пошли легче, разве в местах, где река переводит свое русло с одного на другой берег.

К вечеру добрались мы до так называемого островка, на котором располагается главное селение, состоящее из 3^х изб, срубленных из бревешек с малыми окнами. Избы расположены фасадами приблизительно на север, запад и юг, плотно примыкая к кажиму¹³, закрывающему входы в избы. В кажиме по обеим сторонам устроены нары, а под нарами какие-то конурки вроде курятников. На середине кажима обычно разводится огонь и варится пища, над огнем в дыму коптится юкало и другое, в кажиме же на нарах и под нарами помещается иногда много семейств беспечного народа, а в избах живут хозяева и их семейства, из коих есть один то-ен /старшина/.

В каждой стене избы на все 3 стороны по две маленькие бойницы, настоящие с раструбом, а окна в бытность нашу я видел закрытыми толстыми ставеньками из колотых, грубо отесанных плашек, вероятно в виду защиты. Крепость эту кенайцы селения устроили против колчан¹⁴, которые их никогда, кажется, не беспокоили, да и не думают; но однако какая-нибудь была причина этой предосторожности. Они положительно, впрочем, не живут в этой крепости летом, а уходят все, кто только может, в окрестные леса и горы на промыслы, остающиеся же жители ютятся вообще в палатках и шалашах по берегу реки, рассыпавшись отдельными семействами. По приезде нашем мы расположились в этой крепости на нарах в кажиме, но не нашли здесь ни одной души. Впрочем, переводчик наш скоро разыскал неподалеку 2^е или 3^ю палатки с жильцами и столько же узнал шалашей поблизости в окрестностях, где находились только старики, дети и больные, да один или 2^{ва} человека здоровых, вероятно, для присмотра.

Все вообще живут в здешнем крае, союзом брака не венчанные, издавна по не зависящим от них причинам /за неимением священника/, и поэтому осторожная осмотрительность для разбирательства этой путаницы между ними необходима, чтобы не впасть в крайнюю погрешность и не обвенчать родственников между собою, даже и близких, как напр.: отчима с падчерицей и т. п.

2 / 14 августа, воскресенье. Из оставшихся на островке причастил старика одного, по берегу несколько дальше вверх по реке 1^ю больную женщину и одного мужчину, потом на дру-

¹³ Большой общинный дом эскимосов, рассчитанный на несколько десятков человек.

¹⁴ Колчане – индейцы атапаски танана, жившие в верховьях рек Кускоквим и Сушитна по соседству с кенайцами.

гой стороне двух больных мужчин, валявшихся в своих шалашах без помощи, куда я ездил нарочно на байдарке.

Кроме того, окрестил 10 человек и Св. Миром помазал семерых подростков и детей обо-его пола на реке.

Живут здесь крайне грязно, до содрогания, и невозможно не быть у них разным эпиде-миям. В палатках их вонь и духота, несмотря, кажется, на проходной воздух. Дети бегают в грязных, донельзя засаленных миткальных¹⁵ рубашонках полуразорванных, черные как грязь и сами; между тем как те же самые дети по крещении оказались вовсе не черными, но доволь-но чистыми и белыми.

Чем дальше вглубь Кныковского залива и вверх по Сушитне, тем резче выдается ди-кость жизни и грубость нравов убогих жителей. Язык, начиная от селения Кусташаны, раз-нится от кенайского много, а медновский /по реке Медной, где я еще не был/ разнится от обоих первых. На промысл ходят и зимою, но домой редко что приносят съестное, а едят все на месте, и без меры, и без разбору – что бы ни попало. Спят на каком-то засаленном тряпье или на вытертых оленинах и подушках каких-то, до того черных и лоснящихся, что из них можно было бы выварить порядочное количество грязно-потного жиру. Питаются больше сушеной рыбой /юкалом/, для запасения которой спускаются к устью реки, как выше сказано, и любят донельзя крепкий чай и табак.

Управления никакого не знают, кроме семейного, но имеют тоенов /старшин/, из коих, впрочем, редкие имеют какое-нибудь влияние на односельчан, разве более ловкий и умный; но тогда он непременно шаман и живет зажиточнее других, потому что его больше боятся, через него просят милости, не у Бога, конечно, но у злого духа, и его дарят. Тоены эти почти всегда имеют кроме жены законной еще половинщицу, а то и 2^х, пожалуй, причем и о родстве понима-ется по-своему, хотя бы таковой тоен или шаман был и христианин. Шаманы, как я заметил, не всегда бывают шарлатаны и аферисты, но есть и фанатики-изуверы, воображающие себя дей-ствительными ведунами, могущими через посредство злого духа нечто сотворить в области злых дел, и таковые всегда бывают ожесточеннее и бегают от священника по большей части. Один таковой говорил мне /когда я наедине увещевал его, чтобы в присутствии других не со-творить его ожесточиться/, что ему открывает Бог и что он молится и верует, а ему Бог дает и он знает все, и тому подобную путаницу без всякой связи. Тогда я ему сказал: Ежели Бог тебе открывает, то зачем же ты держишь три жены, да еще, как я слышал, одна как-то сродни ему? Ежели ты знаешь все, то как не знал того, что Бог такой мерзости ненавидит и таким людям не только ничего не открывает, но и лишает его человеческого достоинства, уподобляя скоту бессмысленному и предает его диаволу – по смерти в геенну огненную? Разве он не знал, что Бог почивает только во святых Богоугодных людях, провождающих чистую, непорочную жизнь, исполняя Его Св. закон, угождающих Ему как духовною, так и телесною жизнью, и им только дает свое ведение; между тем человек, предающийся неистово кривлянию и пляске в безумной надежде на призвание какого-то духа, неужели еще может думать, что он этого духа принимает от Бога?! Беззаконное сожительство с тремя женщинами старику, почти седому, служащему диаволу шаманом, не дает права даже называться христианином. Подобным разговором попро-сту наконец шаман был приведен в сознание и дал обещание больше не шаманить и оставить беззаконную жизнь; но я наложил на него испытание, обещая ему прощение и примирение с Церковью, ежели он оправдает свое обещание.

Неудивительно поэтому, ежели сердце бедного кенайца или алеута, преисполненное мраком тайного страха и суеверного, верит и трепещет при виде беснующегося фанатика-ша-мана, а ум, воспаленный воображением, страждет иногда гибельные последствия такой уве-ренности.

Легко ли отвратить этот темный и удаленный от общения с миром /не говорю уж от священника/ народ, тогда как и в России, не только в самых глухих, но и в более просвещен-ных местах сравнительно с Аляской, но и не только в России, а и во [в]сех государствах про-свещенных народов в сравнении более даже России, преимущественно, конечно, в простом народе и в особенности в глуши, процветают колдуны-чародеи, ведьмы и разные, даже очень иногда грубые предрассудки.

Начиная с селения Кусташаны, вновь крещеным приходилось навешивать вместе с кре-

¹⁵ Миткаль – суровая тонкая хлопчатобумажная ткань сероватого цвета, состоящая из довольно толстых нитей неотбеленной пряжи. Является полуфабрикатом для производства различных тканей и других материалов.

стиком на шею и имена, написанные на кусочке ровдуги; а чем далее вглубь залива и вверх по реке «Сушитни», то это потребовалось уже и для многих взрослых и стариков, которые забыли свои имена. На будущий разъезд по приходу, кроме этих билетиков, потребуется приготовить еще партию хоть миткалевых рубашечек для крещаемых обою пола, так как весьма редкие имеют возможность предложить для этого таинства чистую одежду.

Кенайцы, тем более отдаленные от центра миссии, носят длинные густые черные вообще волосы, завязанные сзади в пучок, имеют привычку ходить без шапок. Болезни обыкновенные: катар горячки и чахотка, отчасти и глазные болезни, почему имеют много слепых.

3 / 15 августа, понедельник. Наутро крестил еще одного мальчика и помазал Св. Миром одну девочку, а затем, наскоро закусив, я решился возвратиться в Кенай, оставив предположенную было поездку в Кнык, так как получил известие, что и там народ весь разошелся по своим промыслам, да и жители Сушитновские уверяли меня, что я туда напрасно только поеду. Итак, я решился ехать обратно, тем более что в Кенае мое присутствие было необходимо при строившемся новом доме, который уже, при отъезде моем еще, покрывался.

Уложив все в байдарки и простившись с оставшимися жителями, мы быстро спустились по течению реки к первому селению, в котором на этот раз застали одного хозяина, умного и степенного кенайца, с мальчиком и девочкой, но живущего так же, как и другие, по обстоятельствам, не повенчанный со своею названною женою. Открыв свою ризницу, я крестил у него приемного сына и помазал Св. Миром дочь, а брак пришлось отложить до будущего раза, по уважительным причинам. Хозяин этот угощал как нас, так и гребцов наших всех чаем, хлебом и рыбой, что доказывает знакомство его с жизнью хоть отчасти; между тем как в других местах как кенайцы, так и алеуты, напротив, смотрят, когда священник начнет греть чайник, и, придя туда, рассядутся на корточках по стенкам молча. Конечно, приходится напоить их всех из участия хотя к их убожеству, а иногда обделить сухарями или хлебом. Таким образом, в путешествиях этих провизии, а в особенности чаю, выходит много.

Кончив свой обед после всего, мы отправились в путь и к ночи прибыли к белужьей речке, где опять расположились на болоте с гусями несколько подальше от пригорочка ближе к берегу моря между выкидником¹⁶. Разложив и на этот раз большой огонь и отпустив гребцов некоторых за дичью, мы принялись готовить себе известный уже чай, стараясь приспособиться получше на ночь под открытым небом.

Гребцы принесли трех гусей и утку, и мы изготовили себе ужин по прежнему образу. День до самого вечера был хороший, и не предвиделось ничего дурного, на каковой случай у нас не было другой палатки, кроме старенькой церковной /да и места для другой палатки не было бы/; но, когда все уснули, небо заволокло тучами и стал моросить мелкий дождик, и я проснулся. Место я выбрал себе у одной колоды выкидного дерева, у которой, нас[т]лав немного нарванной мною руками и нарезанной ножом травы, разостлал медвежину и улегся в одежде, укрывшись одеялом не с головою, а олен[ин]у свою отдал гребцам. Видя, что идет мелкий дождь и надеясь, что от такого дождя не успеет промокнуть двойное грубое шерстяное одеяло, я укрылся с головою и опять уснул, и проснулся тогда только, когда почувствовал под левым боком, на котором лежал, воду. Одеяло мое было совершенно мокрое, как бы прямо из воды, и тяжелое, напивав вместе с тем и мою одежду до самой рубахи. Нечего было делать – я встал. Накинув на себя дождевик худой и накинув на голову резиновый колпак, весь дрожа, я долго и быстро расхаживал под дождем взад и вперед, придумывая средства, как бы помочь горю, так как мне очень не хотелось употребить для этого церковную палатку из благоговения к ее назначению. Первым долгом я поспешил развести огонь, а затем, не видя никого, стал рассматривать, где кто лежит. Причетник с моим гребцом из Кеная забрались в байдарку мою, успев, впрочем, промокнуть заранее. Прочие три человека гребцов, чуть не на голой земле, скорчившись и прижавшись друг к другу плотно, лежали под моей единственной олениною, мокрые и босые, но, по-видимому спящие. Сердце у меня скорбно сжалось и не выдержало, и я поторопился поскорее поднять всех и ставить палатку, желая движением несколько хоть согреть их. Разместившись в палатке, тотчас велел согреть чай и напоил всех довольно, после чего все опять улеглись, к удивлению моему, и уснули, кроме меня.

4 / 16 августа, вторник. Наутро дождь шел недолго и часам к 8^{ми} прекратился, но ехать было нельзя, не только потому, что поднялся противный, довольно свежий ветер, но и по причине мокрой нашей поклажи, которую трудно и неблагоприятно погружать было на байдарки, чтобы не перегрузить до опасности эти кожаные суда, и без того грузные.

¹⁶ Части деревьев и другие деревянные обломки, выбрасываемые водой на берег.

Итак, невольно пришлось выждать, чем мы воспользовались, чтобы просушить нашу одежду, постели и вообще груз, что на ветру и на солнце все хорошо и просохло к нашему утешению.

К вечеру как будто стихло, и мы решились ехать на ночь, не дожидаясь попутного течения, около восьми часов вечера. Скоро, впрочем, мы настигли попутную /убылую/ воду¹⁷, через какой-нибудь час или слишком, и байдарки заметно быстрее понеслись вдоль берега, который во мраке ночи мы старались не терять из виду. Наконец в час по полуночи мы прибыли в сел. Туюнак, где были приняты тем же (*) Джоном Смит, радушно, удовлетворенные чаем и ужином, после чего все успокоились и уснули крепко от усталости, почему проспали далеко за утро.

5 / 17 августа, среда. Вставши в Туюнаке после хорошего отдыха, в ожидании удобного времени к отъезду, мы приняли предложенный нам обед радушным хозяином, после которого немедленно начали собираться, а затем, простившись с хозяевами, отправились через залив по направлению опять к селению «Микишки», куда и пристали на лайдю после пятичасовой езды. Я пошел в селение и, найдя больного¹⁸ еще живым, напутствовал его Св. Дарами. После этого, уложив снова ризничный ящик и перекусив наскоро, отправились дальше.

В девять часов вечера мы благополучно пристали к берегу в Кенае, накануне праздника Св. Преображения Господня; а так как было поздно, уже за 10^{ть} часов, прихожане же совершали с вечера бдение по своему обычаю, то я на другой день отслужил только часы и обедницу, после которой сказал прихожанам краткое объяснение праздника и его значение. Затем обратил внимание на дом новый, который и застал уже покрытым и в котором постилали полы.

Все возвратились из путешествия, благодаря Бога, здоровыми.

Список литературы

1. Акимов А. Г. «В каждом месте, где я останавливался, находил я православных людей». Отчет о миссионерской поездке Иеромонаха Севастиана (Дабовича) по Западу Северной Америки в 1892 г. // Американский Ежегодник 2024. М., 2024. С. 340–352.
2. Американский Православный Вестник. 1901. № 4. По Ситхинскому округу (из путевого журнала Благодинного Ситхинского округа Иеромонаха Антония).
3. Американский Православный Вестник. 1902. № 12. Из путевого журнала Священника Иоанна Бортовского за 1900 г.
4. Американский Православный Вестник. 1902. № 19. Путевой журнал Священника Афогнакского прихода Василия Мартыша за 1901 г.
5. Американский Православный Вестник. 1904. № 8. По миссии (дневник Священника Тихона Шаламова).
6. Климент (Капалин), митроп. Православие на Аляске: ретроспектива развития в 1741–1917 гг. Тверь, 2014. 432 с.
7. Печатнов В. В., Печатнов В. О. Американская эпопея епископа Нестора (Засса) // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 2 (144). С. 41–56. DOI: 10.25730/VSU.7606.22.019.
8. ARCA (Alaskan Russian Church Archives). Cont. D 300. Kenai Peninsula Travel Journal. Marchenko, Nikita (monk). Folder 1881–1882, 1885.
9. Kan S. Memory Eternal: Orthodox Christianity and the Tlingit Mortuary Complex // Arctic Anthropology. 1987. Vol. 24, No. 1. Pp. 32–55.
10. Kan S. Shamanism and Christianity: Modern Day Tlingit Elders Look at Their Past // Ethnohistory. Autumn 1991. Vol. 38, No. 4. Pp. 363–387.

¹⁷ Убывающую, т. е. воду отлива.

* Баптист. Жена и все семейство православные. – Прим. о. Никиты.

¹⁸ См. выше, первую страницу «записок».

"[I] exhorted and begged them persistently to leave the idolatrous way of life...". From the travel journal of the Alaskan missionary Hieromonk Nikita (Marchenko)

Pechatnov Valentin Vladimirovich

PhD in History, associate professor of the A. F. Shishkin Department of Philosophy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia, Moscow.
ORCID: 0000-0001-9340-9363. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Abstract. The material is a scholarly publication of the document "From the travel notes of the Kenai missionary Hieromonk Nikita. The year 1881", which is stored in the Alaskan Russian Church Archive of the Manuscript Division of the U.S. Library of Congress. These "Notes", in essence, represent a detailed travel journal that every missionary priest in Alaska had to send to the diocesan bishop. The part of the "notes" being published describes Hieromonk Nikita's first missionary journey, undertaken at a time when the Aleutian and Alaska diocese was headed by Bishop Nestor (Zass). It is a vivid, detailed description of the missionary journey, reflecting the missionary labors often from early morning till late at night, the way of life, religiosity and customs of the Kenai people, open confrontation with shamans with excursions into their psychology and worldview, the difficult conditions of the journey, which included several nights in the open air in a subarctic climate. No wonder Hieromonk Nikita (a former military officer) called it "a soldier's military bivouac life". The document guides to a better understanding of the history of the Russian Ecclesiastical Mission in Alaska in 1880s, and also has ethnographic value, as it contains descriptions of customs, way of life and religiosity of the Alaskan autochthons. The publication has a detailed preface and a scholarly reference commentary.

Keywords: Russian Orthodox Mission in the USA, Aleutian and Alaska diocese, Nikita Marchenko, Kenai, shamanism.

References

1. Akimov A. G. "V kazhdom meste, gde ya ostanavlivalsya, nahodil ya pravoslavnyh lyudej". *Otchet o missionerskoj poezdke Ieromonaha Sevastiana (Dabovicha) po Zapadu Severnoj Ameriki v 1892 g.* ["In Every Place Where I Stopped, I Found Orthodox People". A Report on the Missionary Trip of Hieromonk Sebastian (Dabovich) across the West of North America in 1892] // *Amerikanskij Ezhegodnik 2024 – American Yearbook 2024*. M., 2024. Pp. 340–352.
2. *Amerikanskij Pravoslavnyj Vestnik – Orthodox American Messenger*. 1901. No. 4. *Po Sithinskomu okrugu (iz putevogo zhurnala blagochinnogo Sithinskogo okruga ieromonaha Antoniia)* [On the Sitka District (from the Travel Journal of Hieromonk Antony, Dean of the Sitka District)].
3. *Amerikanskij Pravoslavnyj Vestnik – Orthodox American Messenger*. 1902. No. 12. *Iz putevogo zhurnala svyashchennika Ioanna Bortnovskogo za 1900 g.* [From the Travel Journal of Rev. Ioann Bortnovsky for 1900].
4. *Amerikanskij Pravoslavnyj Vestnik – Orthodox American Messenger*. 1902. No. 19. *Putevoj zhurnal svyashchennika Afognakskogo prihoda Vasiliia Martysa za 1901 g.* [The Travel Journal of Rev. Vasily Martys of the Afognak Parish for 1901].
5. *Amerikanskij Pravoslavnyj Vestnik – Orthodox American Messenger*. 1904. No. 8. *Po missii (dnevnik svyashchennika Tihona Shalamova)* [Around the Mission (the Diary of Rev. Tikhon Shalamov)].
6. Kliment (Kapalin), mitrop. *Pravoslavie na Alyaske: retrospektiva razvitiya v 1741–1917 gg.* [Metropolitan Kliment (Kapalin). Orthodoxy in Alaska: A Retrospective of Its Development in 1741–1917]. Tver, 2014. 432 p.
7. Pechatnov V. V., Pechatnov V. O. *Amerikanskaya epopeya episkopa Nestora (Zassa)* [Bishop Nestor's (Zass) American Epic] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2022. No. 2 (144). Pp. 41–56. DOI: 10.25730/VSU.7606.22.019.
8. ARCA (Alaskan Russian Church Archives). Cont. D 300. Kenai Peninsula Travel Journal. Marchenko, Nikita (monk). Folder 1881–1882, 1885.
9. Kan S. *Memory Eternal: Orthodox Christianity and the Tlingit Mortuary Complex* // *Arctic Anthropology*. 1987. Vol. 24, No. 1. Pp. 32–55.
10. Kan S. *Shamanism and Christianity: Modern Day Tlingit Elders Look at Their Past* // *Ethnohistory*. 1991. Vol. 38, No. 4. Pp. 363–387.

Поступила в редакцию: 25.03.2026

Принята к публикации: 29.04.2026